

ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ ЕГИПТА В ЛИРИКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА

Абдельхамид С. А. М.

Айн-Шамский университет (Каир, Египет)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8363-3326>

А н н о т а ц и я . Языковые образы Египта в лирических текстах К. Д. Бальмонта исследуются в сопряжении с дискурсивно-модусными художественными концептами – мыслительными структурами сложной интегративной природы. Объектом исследования выступают языковые ассоциативно-образные смыслы дискурсивно-модусного художественного геоконцепта «Египет» у К. Д. Бальмонта, предметом исследования – метафорическое мировосприятие, лексико-семантические средства поэтической вербализации данного геоконцепта, позволяющие создавать емкий образ, основанный на ярких, порой неожиданных ассоциациях художника слова. Цель работы заключается в выявлении образно-смыслового содержания художественных концептов о Египте, объединяющих в себе, кроме объективно отражаемых свойств и признаков дискурсивно моделируемых реалий, авторское оценочно-ценностное переживание событийных элементов дискурсивной ситуации. Для анализа языковых образов Египта в структуре художественных концептов К. Д. Бальмонта используется дискурсивно-модусный метод. Художественные концепты о Египте играют ведущую роль в формировании этнокультурного мира Бальмонта. Выявлены речевые средства репрезентации авторского видения египетской картины мира, а также лексико-семантические средства поэтической вербализации традиционных образов; показана суггестивная значимость этих средств в эмоционально-эстетическом наполнении языковых образов коннотативными смыслами. Акцентируется внимание на том, что источниками возникновения языковых образов страны Пирамид является авторское, личностное, интеллектуально-эмоциональное восприятие и «подвижное переживание» геоконцепта «Египет», о чем свидетельствуют изменяющиеся субъективно-авторские эмотивные коннотации, которые заключают в себе не только потенцию к раскрытию образов, но и возбуждают свежие чувства, творческое воображение и возвышенное настроение. Результаты исследования могут быть использованы для анализа авторской дискурсивной образности лирических текстов. Особенностью рассматриваемого геоконцепта является его способность вызывать у воспринимающего субъекта личностные смыслы, побуждать его к панорамной эмоциональной интерпретации дискурса всего коммуникативного события. Языковые образы, визуализируя ментальное пространство каждого художественного концепта, превращают концептосферу в когнитивно-модусный субстрат создаваемой автором поэтической картины мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а : К. Д. Бальмонт; геоконцепт; художественный концепт; смысл; языковой образ; дискурсивная ситуация; Египет

Д л я ц и т и р о в а н и я : Абдельхамид, С. А. М. Языковые образы Египта в лирике К. Д. Бальмонта / С. А. М. Абдельхамид. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 158–170.

LINGUISTIC IMAGES OF EGYPT IN THE LYRICS OF K.D. BALMONT

Saied A. M. Abdelhamed

Ain Shams University (Cairo, Egypt)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8363-3326>

A b s t r a c t . The article examines the linguistic images of Egypt in the lyrical texts of K. D. Balmont in conjunction with discursive-modal artistic concepts, which are mental structures of a complex integrative nature. The scope of the study includes the linguistic associative-figurative meanings of the discursive-modal artistic geoconcept 'Egypt' created by Balmont, and the object of research embraces the metaphorical worldview and the lexico-semantic means of poetic verbalization of this geoconcept, which allow creating a life-like image based on salient, sometimes unexpected associations of the poet's lyrics. The aim of the study is to identify the figurative-semantic content of artistic concepts about Egypt, which combine, in addition to objectively reflected properties and characteristics of discursively modeled realities, the author's evaluative value-based experience of the event-driven elements of the discursive situation. The discursive-modal method is used to analyze the linguistic images

of Egypt in the artistic concepts of Balmont. Artistic concepts about Egypt play the leading role in the formation of the ethno-cultural world of Balmont. The article reveals the verbal means of representation of the author's vision of the Egyptian worldview, as well as the lexico-semantic means of poetic verbalization of traditional images. The study shows the suggestive significance of these means in the provision of connotative meanings to the emotional and aesthetic content of linguistic images. The article focuses attention on the fact that the sources of the emergence of linguistic images of Egypt is the authored, personal, intellectual and emotional perception and 'mobile experience' of the geoconcept 'Egypt', as evidenced by the changing subjective author's emotive connotations, which contain not only the potential to reveal images, but also excite fresh feelings, creative imagination and high spirits. The results of the study can be used to analyze the author's discursive imagery of lyrical texts. A distinctive feature of the geoconcept under study consists in its ability to evoke personal meanings in the recipient and to make them produce a panoramic emotional interpretation of the discourse of the entire communicative event. Linguistic images, while visualizing the mental space of each artistic concept, turn the conceptsphere into a cognitive-modal substratum of the poetic worldview created by the author.

Key words: K. D. Balmont; geoconcept; artistic concept; meaning; linguistic image; discursive situation; Egypt

For citation: Abdelhamed, S. A. M. (2023). Linguistic Images of Egypt in the Lyrics of K. D. Balmont. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 158–170.

Введение

Одной из основных тенденций современной лингвопоэтики является изучение не только собственно языковых форм, но и мировосприятия и мировоззрения художника слова, воплощаемых в определенных языковых категориях. Для такого рода исследования идеальной единицей является концепт, поскольку, по Д. С. Лихачеву, богатство языка «определяется не только богатством словарного запаса и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой являются язык человека и его нация» [Лихачев 1999: 154]. Концепт – единица ментального лексикона, представляющая собой своего рода «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40]. Своеобразное отображение этнокультурного мира в лирическом тексте принадлежит К. Д. Бальмонту. Ментальными ипостасями этого мира выступают художественные концепты, которые получают свою репрезентацию в художественном произведении и репрезентируются языковыми образами узуального и индивидуально-авторского, нарративно-дискурсивного типа, выражающими различные таинственные состояния души поэта [см. Пономарева 2008: 9]. Одним из базовых компонентов концептосферы отдельного художественного текста служит геоconcept – интегральное образование с широким спектром смысловых проекций, создающих когнитивную субстанцию этнокультурного содержания тек-

ста [см. Калущков 2020: 57]. В анализируемых текстах К. Д. Бальмонта таковым прежде всего является Египет. Хотя в исследованиях, посвященных К. Д. Бальмонту, тема Египта поднималась неоднократно [Панова 2006; Молчанова 2009; Мулахи 2021], языковые механизмы создания этого геоconceptа оставались вне рамок собственно лингвистического осмысления.

В работе поставлена цель рассмотреть языковые образы Египта в лингвокультурологической парадигме, в сопряжении с дискурсивно-модусным моделированием художественных концептов – мыслительных структур сложной интегративной природы, представляющих в своем смысле содержание информации ассоциативно-образного характера в ее творческой адаптации к дискурсивным ситуациям, вызываемым данной фазой речепорождения. Поставленная цель предполагает теоретическое обоснование художественной сущности геоconceptа и этапов когнитивно-метафорического генезиса языкового образа.

Для анализа языковых образов Египта применяется разрабатываемая научной школой проф. Н. Ф. Алефиренко *дискурсивно-модусный* метод исследования объектов когнитивной лингвопоэтики [Алефиренко 2016: 7; Gavins 2003]. Он позволяет: (а) раскрыть сущность авторского видения египетской картины мира через выделение переживаемого мыслительного конструкта лирического текста или его фрагмента; (б) выявить лексико-семантические средства поэтической вербализации языковых

образов, их метафоропорождающий потенциал; (в) показать репрезентативную значимость этих средств в суггестивном (эмоционально-эстетическом) воссоздании коннотативных смыслов художественных концептов.

В качестве *материала* исследования отобраны 12 стихотворных текстов о Египте, вошедших в собрания сочинений К. Д. Бальмонта [Бальмонт 2010].

Попытка выявить механизмы дискурсивной образности, в которой эксплицируется лингвокреативный потенциал языкового сознания поэта, представляет собой новый и, как нам представляется, насущный подход к исследованию языковых образов арабского Востока. Дискурсивно-художественные концепты стихотворных текстов Бальмонта содержат многоликие ипостаси языковых образов Египта. Это бесплодная пустыня, бездонные истоки Нила, многовековые пирамиды, могучий сфинкс, трудящиеся феллахи (крестьяне в арабских странах, занятые земледелием), мифогенные представления.

1. Египет как художественный гео-концепт

Художественные концепты (далее – ХК), будучи генетически связанными с концептами познавательными, обладают специфическими категориальными признаками «поэтической картины мира» [см. Болотнова 2004]. Главное же отличие ХК состоит в их авторском оценочно-ценностном переживании событийных элементов дискурсивной ситуации. Кроме объективно отражаемых свойств и признаков дискурсивно моделируемых реалий, в образовании ХК важное значение приобретают процессы аксиологического воображения, основанного на иррациональном (художественном) отображении картины мира [см. Миллер 2000: 42]. Иначе говоря, ХК – интеграционный продукт

отражения определенного фрагмента коммуникативного события в виде синкретизма обыденного понятия, денотативного образа и коннотативных представлений. Поэтому восприятие ХК читателем всегда шире того или иного авторского замысла: «Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [Лихачев 1999: 34]. Если восприятие познавательных концептов непосредственно подчинено стремлению соответствовать отраженному в нем реальному факту, то смысловое структурирование ХК выстраивается, как правило, на творческой ассоциативности, в результате которой и создается художественный языковой образ.

Хотя и ХК, и языковой образ являются сходными ментальными единицами, они различаются внутренней сущностью. По своей природе концепт – дискретен (концепт имеет многоярусную структуру). В силу своей многоярусной организации в структуре вербализованного концепта интегрируются чувственные образы, созначения, оценки и коннотации, преломленные в дискурсивном сознании сквозь призму той или иной этнокультуры [Алефиренко 2021: 13]. В отличие от концепта, образ континуален (гештальт, обладающий рационально-чувственной целостностью), его когнитивным субстратом является живое, наглядное субъективное представление о предметах и явлениях окружающего мира с их чувственно воспринимаемыми или гипотетически воссоздаваемыми атрибутами. Это значит, что субстратом дискурсивно-художественных концептов, как и языковых образов, служит метафорическое мировосприятие, или когнитивная метафора, позволяющая создавать емкий образ, основанный на ярких, нередко неожиданных ассоциациях (см. рис. 1).

Рис. 1. Генезис языкового образа

Попадая в то или иное дискурсивное поле, образ вступает в новые (необходимые для моделирования речевого произведения) ассоциативные отношения, формируемые на базе лингвокреативности языкового сознания поэта. Таким образом, ХК также являются продуктом субъективной интерпретации типичных, социально значимых конструктов творческого мышления художника слова [Алефиренко 2019: 145].

Восприятие К. Д. Бальмонтом геоконцепта «Египет» обусловлено тем, что автор был весьма эрудированным ценителем древней экзотики страны Пирамид. Среди других поэтов Серебряного века он выделялся своим постоянным влечением к путешествиям. Страны Востока притягивали его своей магической экзотикой [Молчанова 2009: 180]. Египет давно манил к себе Бальмонта своей самобытной историей и культурой. Интерес к культуре Египта укреплялся тем, что он изучал труды египтологов, читал книги путешественников, занимался языком Древнего Египта. Осенью 1909 года он осуществил давно задуманную поездку в Египет. Поэт посетил Александрию, Каир, был в Мемфисе, ездил

в долину реки Нил, осматривал знаменитые пирамиды в Гизе, мумии, саркофаги, плиты с рельефными изображениями, предметы религиозного культа и т. п. Не книжное, а непосредственное знакомство со страной, языковые образы Бальмонтовского Египта обретали в глазах современников статус несомненных реалий [Панова 2006: 244].

В основании каждого языкового образа Бальмонта лежат когнитивная метафоричность и субъективно интерпретированное восприятие коммуникативного события. Наглядный чувственный образ предметов и ситуаций описываемого события находится в многомерной поэтической картине мира К. Д. Бальмонта [см.: Мусат 2013: 43] в состоянии постоянной лабильности, дискурсивной подвижности. Анализированные нами концепты отображают авторское «двойственное, подвижное» видение египетской картины мира: до и после посещения Египта, иллюзорные представления и увиденные собственными глазами реалии. Противоположные переживания поэта мотивировали его к созданию «двойственного» (восторженного и унылого) воспроизведения впечатлений от стра-

ны фараонов. Дискурсивное сознание поэта связано с его способностью к интроспекции, т. е. описанию себя и переживаемого жизненного опыта в виде использования поэтизированных образов. Такого рода образы возникают как некий душевный отклик человека на эмоциональное переживание коммуникативного события [Алефиренко 2021: 16]. Образцом подвижного эмоционального переживания поэта может служить ментальное пространство поэта, объективированное в стихотворении «Приближаясь к Александрии», в котором ярко выражены взволнованные чувства поэта от своей давно ожидаемой поездки в Египет. Сам поэт об этом писал так: «Прошло еще много-много лет. Захотел я поехать в Египет. Увидеть настоящих Египтян. Хотя бы и современных. Памятники Египетские очень хотел увидеть. Все узнать Египетское» («Край Озириса». Преддверье в Египет). Эта радость воплощена метафорически диалогом между поэтом и стихией природы: Морем и Нилом.

*И шумело мне Море в многоцветном узоре:
«Вот ты прибыл в святую страну Пирамид».*

*Над преддверьем в Египет – длиннокрылые
птицы.*

Вот откроется Нил! Да, я твой Озирис!

В дискурсивном сознании поэта образ Египта ассоциируется более всего с образами Пирамид, Нила и Египетских богов. Для идиостиля К. Д. Бальмонта характерно использование лица, представляющего коммуникативное событие со стороны, т. е. непосредственным участником данного события не являющегося, находящегося над коммуникативной ситуацией: Море обращается к нему, и он обращается к Нилу: «И шумело мне Море»; «Да, я твой Озирис!». Для поэта Египет – это место святое и экзотическое: «из Египта чуть не все вышло, чем дорожим мы» («Край Озириса»). Знаком-репрезентантом восточной экзотики Египта, многочисленных легенд и мифов о Египте является метафорическое выражение: «Где багряные сказки в столетьях зажглись».

В другом стихотворении К. Д. Бальмонта – «Египет (Страна, где нет ни гроз, ни грома...)» – звучит иное, противоположное ранее созданному сказочному образу, нигилистическое восприятие страны.

*Страна, где нет ни гроз, ни грома,
В размерной смене тьмы и дня,
Ни молнебыстрого излома
Живого высшего огня.
Страна без радуги окружной,
Что семикратно славит свет,
Твой край, и Северный, и Южный,
Однообразием одет.*

Здесь преобладает прагматический компонент неприятия. Нигилистическую аксиологию в отношении поэта к своему предмету мысли выражает стилистический прием отрицания: «нет ни гроз, ни грома», / «ни молнебыстрого излома», / «без радуги». Египет в поэтическом дискурсе представляется как пространство однообразное. Его однообразие ощущается сквозь метафорические эпитеты, являющиеся для идиостиля К. Д. Бальмонта эффективным изобразительным тропом: «Однообразием одет». Такая оценка была, видимо, обусловлена сравнением Египта с архетипами его родины. В отличие от Египта родная страна поэта характеризуется большим природным и климатическим разнообразием. Типичная же для восприятия Египта однообразная картина: нет тучевых облаков, нет дождя, следовательно, – нет радуги.

2. Языковые образы геоконцепта «Египет»

Как правило, в лирических текстах К. Д. Бальмонта языковые символы задаются их названиями. Так, название стихотворения «Рубище» является емким символом, воплощающим в себе дискурсивную синергию субъективного восприятия коммуникативного события, личностные переживания поэта.

*Египет, рубище с роскошной бахромой,
Куда уведишь ты кораблик малый мой?*

Поэт метафорически выражает свое парадоксальное восприятие Египта. Образ современного Египта предстает перед поэтом как ветхое рубище, на котором была возведена великая цивилизация, оставившая великие следы, украшающие ее края, как бахрома (бахрома араб. макрамия – 'кружева') украшает разорванную одежду. Его следующий вопрос, заданный кораблику, может быть истолкован как несоответствие увиденного им образа страны тем образам Египта, которые возникли в его сознании от знакомой ему литературы.

Следующие строки стихотворения подтверждают это. На этот раз поэт обращается к Нилу, который по сложившимся от прочтения литературы образам повлиял на его решение совершить поездку в Египет.

*Зачем, о, царственный, в веках текущий,
Нил,
В пустыню желтую меня ты заманил?*

Дальше поэт говорит:

*Что длилось, – рушилось. Что было, – то
прошло.*

Кораблик малый мой, раскрой свое крыло.

Он указывает на то, что тысячелетняя цивилизация фараонов рушилась, и от того, что осталось, он не испытывает удовольствия. Продолжением этого ощущения является стихотворение «Египет (Заснула земля...)».

*Заснула земля
Фиал переполненный выпит
Задремавшие Боги ушли в Небосвод,
Гребцы корабля,
На котором Египет
Сквозь Вечность скользит по зеркально-
сти Нильских вод.*

*Их нарядные мумии спят,
Пред глазами людей восхищенными.
Все пирные звоны
Сменились напевом цикад
Лишь звезды блестят и блестят над пес-
ками,
самумом взметенными.*

Для актуализации данного смысла поэт использует различные формы глагольных лексем: *заснуть, задремать, спать, скользить, сменяться, блестеть, взметаться*, метафорически указывающие на конец цивилизации фараонов, которая в древние времена всегда кипела жизнью. Установ-

лением ассоциативной связи языковой репрезентации художественного концепта «Египет» с греко-римской цивилизацией создается масштабная картина мира. Для подтверждения смысла заката цивилизации Древнего Египта используется риторический образ пустого фиала после того, как присутствующие все из него выпили и ушли. Фиал – один из культурных кодов греко-римской цивилизации. Слово *мумии* служит авторским символом заката цивилизации Древнего Египта. Места, где устраивались банкеты, опустели. Остались только насекомые, собравшиеся на останках. Ориентальной репрезентацией геоконцепта «Египет» служит также сухой горячий шквальный ветер самум (смерч, тайфун), являющийся хронотопным маркером, образной меткой, указывающей на время и место коммуникативно значимых событий.

В сонете «Живой и в смерти» образ закатной цивилизации опять приобретает новые коннотативные смыслы. Египетское древнее царство характеризуется как сокровище, еще не все тайны которого раскрыты. Поэт сравнивает Египет с недопитым медом. Как и мед – сладкий продукт, богатый питательными веществами, так и древняя сладостная история Египта богата тайнами, нуждающимися в раскрытии. Слово *мед* также символизирует бессмертие. В стихотворении «Озирис» медоноски присутствовали при воскресении бога Озириса: «В улье небесном гудящие пчелы нам возвещают шуриание». Поэтизация геоконцепта «Египет» мастерски сочетается с историческими реалиями. Тем самым создается целостное ментальное пространство авторского мировидения (см. рис. 2).

Рис. 2. Структура ментального пространства геоконцепта «Египет»

Ключом к пониманию целостного авторского ментально-дискурсивного пространства, эпицентром которого является геоконцепт «Египет», служит контаминация универсальных и автохтонных элементов древнего культурного кода, с помощью которого осуществляется наполнение стихотворного контекста интенциональными смыслами.

2.1. Языковой образ «Феллах-раб». В стихотворении «Поля египетские» отображены реальные события, происходившие в сельскохозяйственной жизни Египта. Олицетворяющими геоконцепт «Египет» реалиями выступают феллах и рабочие животные: *осел* и *вол*. Языковой образ осла – символ терпения. Волы символизируют выносливость и внушительную силу. Пара быков неустанно ходят вокруг оси, чтобы доставить из реки воду: «*Два вола идут по кругу, / Все по кругу, без конца, / Век прикованы друг к другу, / Волей знойного Творца*». На фоне дискурсивных описаний животных возникает языковой образ феллаха, тяжело работающего, «*чтоб другие были сыты*». Языковой образ феллаха создается метафорическими эпитетами: «*Темный, голый, червь надземный, / Пастью пашни взят и сжат, / Есмь, как был я, подъяремный, / Восемь тысяч лет назад*». В данных строках отражается авторское сострадание подъяремному крестьянину-египтянину. Феллах метафорически сравнивается с надземным червем. Он одержим страхом перед гневом своего хозяина. Форма множественного числа слова *пространство* указы-

вает на непосильный труд феллаха: «*Мной пространства грязи взрыты*». В этой картине образ феллаха сопоставим с волком, животным, вращающим в бесконечных кругах подающее воду колесо.

Языковой образ раба мрачно поэтизируется также в стихотворении «Сфинкс»: «*С отчаяньем живого мертвеца, / Воскресшего в безвременной могиле, / Здесь бился раб, томился без конца, – Рабы кошмар в граните воплотили*». Трагическое положение раба уподобляется мертвецу, который уже не надеется выбраться из могилы. Прагматическое эмотивно-оценочное отношение поэта усиливается коммуникативными и обстоятельственными единицами: *биться, томиться, безвременный, без конца*. Лексема *кошмар* выполняет суггестивно-прагматическое воздействие «осуждения» данной ситуации. Она упоминается после размышления поэта о символической значимости Великого Сфинкса. Это позволяет выразить главное: поэт не приемлет человеческие страдания, даже если они предавались во имя создания великих древнеегипетских памятников.

2.2. Языковой образ Нила является одной из устойчивых геопропространственных вербальных доминант, этноязыковых маркеров египетского ландшафта. Языковой образ Нила наделяется Бальмонтом огромной лингвокультурной значимостью, наполняется особым символическим смыслом. Нил – сущность Египта, символ его плодородия: «*А Египта без Нила нет. Египет без Нила – что тело без души*» <...> «*Так и говорится: Без*

реки нет земли. Без воды нет жизни» («Край Озириса»). Этот смысл находит наглядное метафорическое воплощение в стихотворении «Поля египетские», где Нил изображается источником влаги, урожая и достатка.

*И в песчаные пространства
Дождь которых не кропил, –
Для зеленого убранства
Мутной влаги ссудит Нил.*

Тайна реки не поддается изъяснению, никому не известны ее истоки. Этой загадке подчинен весь поэтический дискурс: путнику открываются неисчислимые рукава Нила так, что не понятно, где начинается река. Нил как геософский объект поэтического дискурса Бальмонта священен. Его появление может иметь райские или преисподние истоки: «Истоки безвестны, затеряны. / Породил их Эдем или Ад? / Жрецы не уверены».

Благодаря разливу Нила существовала уникальная цветовая палитра. Во время разлива: «сливаются все краски. Есть Нил зеленый, есть голубой, он бывает красным, он бывает желтым, он бывает просто мутным-мутным» («Край Озириса»). Дополняет эту палитру растущие по берегам Нила голубые и белые лотосы. Лотос наделен магическими характеристиками. Бальмонт создает мифогенную картину: «Когда еще Неба не было <...> сперва возник Нун, довременная Влага, первобытная Вода <...> на перевозданной этой влаге возрос красивый стебель лотоса, а в лотосе, в цветущей этой чашечке, явился юный Солнечный бог» («Край Озириса»).

С разливом Нила удобрялись земли Египта. Не потому ли разлив Нила встречаются как ожидаемое праздничное событие? Ликующие мотивы нильского разлива представлены метафорическими глагольными и отглагольными формами.

*Нил разлился, гудит и ревет.
Заплетитесь же все в хоровод
Закружитесь. Мы в мире затеряны.*

В поэтическом дискурсе Бальмонта Нил – «царственный»: «Зачем, о, царственный, в веках текущий, Нил, / В пустыню желтую меня ты заманил?» Это, однако, не лишает поэта ностальгии о просторах родного края: «От скал Аравии до тех Либийских гор, / Мне мал – хоть скудному – воспетый твой

простор». Небольшие просторы создают гнетущую атмосферу, а воспоминания о родной земле рождают радостное ощущение свободы, воли: «От черной Нубии до Дельты голубой, / Не усладился я, разливной Нил, тобой. / Мне Море чудится, вспененным я рожден, / Я океанскую волной освобожден». Восторженное восприятие Нила сменяется его отчуждением:

*Я птица вольная. Я два крыла раскрыл.
И вьюсь, пою, смеюсь. Прощай, мне чуждый, Нил. (Рубище)*

2.3. Языковые образы пирамид. Языковые образы пирамид раскрываются в бальмонтовских стихотворениях через их осмысление как пространственного ориентира для «путников». Воссозданием этого образа послужили субъективные визуальные ощущения поэта. Гробницы фараонов в силу их громадной высоты являлись своего рода «маяками в пустыне»: «Взнеслась безгласно пирамида, / Маяк для тысячи дорог». Пирамиды также выступают как пространственный ориентир для коммуникативных событий: «И **вкруг пирамид**, Жизнь живет, вешний воздух весь ладанный»; «Возле Сфинкса тихо мысля, **недали от Пирамид**».

В стихотворении «Рубище» К. Д. Бальмонт под влиянием сыновей любви к родной земле наделяет пирамиды иными языковыми образами нарративно-дискурсивного характера. Выстроены они по принципу контраста. Концепт «Египет» емко представлен языковым образом рубища (ветхой, рваной одежды): «**рубище с роскошной бахромой**». Уже в первой строке текста поэт задает вектор контраста всему речевому произведению. С одной стороны, «царственный, в веках текущий Нил» и масштабная панорама воспетого простора Египта («От скал Аравии до тех Либийских гор, От черной Нубии до Дельты голубой»), с другой «Море чудится, вспененным я рожден, Я океанскую волной освобожден, А суша мне тюрьма, оковны сонмы скал». Божественным горным грядам поэт противопоставляет свою натуру: «Я птица вольная. Я два крыла раскрыл. И вьюсь, пою, смеюсь». Поэтому он восклицает: «Сознанье яркое, мой дух отсюда мчи»; «Прощай, мне чуждый, Нил, / И не хочу я жить как тень среди верениц, тяжелых пирамид, раскрашенных гробниц». Прием контраста служит Бальмонту достаточно эффек-

тивным лингвопоэтическим средством философского и психологического осмысления геоконцепта «Египет».

2.4. Языковой образ пустыни. В стихотворениях Бальмонта Египет неоднократно изображается как пустыня: «*Страна, где нет ни гроз, ни грома*»; «*Страна без радуги окружной*». Пустыня предстает как необитаемое, лишенное жизни место: «*Ни зверей, ни змей, ни птиц, Ни манящих глаз растений*». В русском языковом сознании поэта пустыня контрастирует с зелеными полями и лесами с богатой живностью и растительностью. Лексико-стилистический колорит египетской пустыни создается лексемами *песок, прах, верблюд, караван, самум* и др. Обычные лексемы Бальмонт преобразует в нарративно-дискурсивные метафоры: «*Прах песчаный без границ*»; «*Среди песков пустыни вековой*», «*Дождь которых не кропил*». В языковом образе безводной пустыни господствует желтый, песчаный цвет.

Не случайно языковой образ пустыни у Бальмонта символизирует смерть, вместилище засыпанных песком могил, верблюжьих черепов.

*И ползучий шелест-шум
Угрожает: – Здесь могила.
Лишь верблюжьи черепа,
Знак томлений каравана.*

Дискурсивная поэтика Бальмонта характеризуется частым сопоставлением ландшафтных объектов разных сред:

*Мне Море чудится, вспененным я рожден,
Я океанскою волной освобожден.
А суша мне тюрьма, оковны сонмы скал,
Я дома прочного нигде не воздвигал.*

Пустыня, представляющая собой обширную область суши, обладает особым символическим контекстом. Как уже отмечалось, она ассоциируется с тюрьмой, тогда как море вызывает ощущение свободы.

После того, как Бальмонт побывал в Норвегии, где господствуют другие климатические условия, поменялись индивидуально-личностные смыслы, составляющие дискурсивное сознание поэта, следовательно, поменялись и закрепленные в тех же языковых образах элементы коммуникативного события. В стихотворении «Пустыня» («*Я видел Норвежские фьорды с их*

жесткой бездушной красой...») Пустыня приобрела иной образ, она описана как царица земной красоты: «*Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты*». Ее символы (*песочный шум, самум, мираж*) постоянно будоражат сознание автора.

*А образ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
Войдя, не выходит из сердца, навек отравляет мечты.*

В молчаньи песков беспредельных я слышу неведомый шум,

Как будто в дали неоглядной встает и крутится самум,

Встает, и бежит, пропадает, – и снова молчанье растет,

И снова мираж лучезарный обманно узоры плетет.

Особое место в описании пустыни занимают метафорические эпитеты, сочетающие в себе признаки метафоры и эпитета. Они придают художественному дискурсу сентиментально-романтическую изысканность или сюжетно-динамическую образность: «*безмолвной Пустыни*»; «*В молчаньи песков*»; «*самум, встает, и бежит, пропадает*».

2.5. Языковой образ Сфинкса в составе геоконцепта обладает глубоким символизмом. В виде фантастического существа, сочетающего в себе животные и человеческие черты, он наделен мистическим смыслом. Один из важных атрибутов мистического образа Сфинкса кроется в его молчании: «*Среди песков пустыни вековой, / Безмолвный Сфинкс царит на фоне ночи*». Такое молчание отличается от тишины – лишь отсутствия звуков. Безмолвный Сфинкс означает молчание тех, кто «казалось, могли бы говорить, но не хотят» [Андреев 1990: 199]. Созданный К. Д. Бальмонтом языковой образ безмолвного Сфинкса насыщен смысловыми коннотациями: он представляет его властелином тайн, хранителем египетских загадок, безмолвствующим о чем-то несказанном, сверхъестественном: как «*замысел чудовищной мечты*»; «*отчаяньем живого мертвеца, воскресшего в безвременной могиле*», как «*враг обычной красоты, как сон*». Кроме этого, нарративный дискурс стихотворения позволяет ассоциировать молчание с мудростью. Со своим устремленным в даль взглядом Сфинкс – страж Пирамид. В образе столь могуще-

ственного зверя он символизировал также божественную силу, которую правитель древнего Египта использовал, чтобы защищать страну и править своим народом. Молчание и зоркое око Сфинкса в художественном дискурсе стихотворного текста усиливаются визуальными эффектами, ведь тьма – это вместилище тайн и время неутомимой вахты зоркого стража: *«на фоне ночи»; «В лучах Луны»*. Сфинкс выступает не только хранителем древней цивилизации, но и Вергилием, своего рода гидом в постижении ее тайн, источником вечной истины.

В других стихотворных текстах К. Д. Бальмонта концепт «Сфинкс» дополняется новыми языковыми образами. В стихотворении «Четыреликий», в котором лирический герой переживает момент единения с Великим Сфинксом: *«Возле Сфинкса тихо мысля, невдале от Пирамид, Я, смотря со Сфинксом в дальность, не боюсь ничьих угроз»*, языковой образ монументальной скульптуры живописует коннотациями слов *страсть и сила*:

«Страсть и сила – это лики льва и жаркого быка.

Ярки розы красной крови. Сила голоса громка».

Его мифический образ передают метафорические эпитеты *«Дух крылатый, львиный, быкогрудый»*. Так в отображении Сфинкса пересекаются греческая и египетская легенды. Лирическому герою Сфинкс открывает свое внутреннее содержание через гиперболические эпитеты: *«во мне есть дух орлиный, и тверда душа моя»*. В стихотворении «Закатная пирамида» концепт «Сфинкс» раскрывается не языковыми образами безмолвия, а вещательными: *«О сфинксе, когда-то вещательном», «закатные тени», «расцветают пустыню вечернюю», «на песках вышивают рассказ»*. Здесь вещательные образы создаются косвенными тропическими средствами за счет усиления метафорического эпитета (*закатные тени*) контаминированными метафорами-олицетворениями (*тени вышивают + вышивают рассказ*). Такие олицетворенные контаминации порождают новые смыслы, расширяя тем самым изобразительный потенциал языковых образов, привлекая к себе внимание необычным метафорическим контекстом, что в конечном итоге

побуждает читателя к более глубоким размышлениям о смысловом содержании всего стихотворного текста.

2.6. Мифогенные языковые образы геоконцепта «Египет». Мифогенные образы К. Д. Бальмонта обязаны своим возникновением известным мифологемам. Служат они воссозданию хранящихся в этнокультурном сознании представлений о передаваемых в преданиях глубокой старины мифических сюжетах, сценах и образах. Такие языковые образы или передают фрагмент мифического сюжета, или содержат архетипы мифологических героев. Так, глубоко погружившись в недра египетской цивилизации, Бальмонт пишет стихотворение «Египетский бог». Повышенными изобразительно-выразительными средствами поэт показывает многообразие древнеегипетского божества. Название стихотворения проецирует весь смысл текста. Оно нацеливает читателя на то, что речь пойдет о многоликом единобожии. Указанием на это служит местоимение 3-го лица в форме единственного числа, которое соотносится с характеризующими Бога сравнениями природного характера:

*Он восходит как солнечный луч,
Он сияет как Месяц, как ветер приходит,
Он как Нил свои воды из бездны выводит,
Он как весняна птица певуч,
Он по воле своей
Возникает как зверь,
Как один из зверей...*

Природные сравнения служат поэтизации Бога. При этом изображение одного бога принимает у Бальмонта лики других богов (*Аписа, Гора, Сэбека*). Они служат аллюзиями-представлениями (а) об Аписе, выполнявшем функцию посредника между людьми и божествами, (б) Горе (Горусе, Хоре) с головой сокола, напоминавшего крылатое солнце, и (в) Сэбеке, боге нильского разлива, который в облике крокодила отгонял от людей темные силы.

Особый интерес представляют вербализации солярных образов в лирике Бальмонта, поскольку, как пишет сам поэт, религия древних египтян «есть религия по преимуществу Солнечная» [Бальмонт 2010: 270]. В Солнце, по Бальмонту, заключено все лучшее и светлое, что есть в мире, а Египет, безусловно, является его средото-

чием. «Все Египетские боги качествами своими и свойствами тяготеют к богу Солнца, Ра, тонут в океане его бессмертного сияния» [Бальмонт 2010: 28]. Подчеркивают это перечисленные единицы, входящие в семантическое поле «солярных образов»: *восходить, луна, солнечный, луч, сиять, утренний, небо, Солнце, светило*. Символом Бессмертия у Бальмонта выступает Озирис, Бог Воскресения: *«один из всех богов ведёт меня в царство бессмертия, дарует мне воскресенье»* [Бальмонт 2010: 70]. В стихотворении «Озирис» поэт лингвопоэтически воспроизводит легенду о возрождении Озириса после его убийства Сэтом. Возвращение Озириса из мертвых символизирует многократное повторение имени прилагательного *новый*. Его экспрессивный тонус усиливается сочетанием названий природных явлений с языковым образом «слезы Изиды» в разливе Нила.

Новое Солнце, **Новое** Утро, **Новый** Месяц, и **Новый** Год,

Пламя из тучи, утро из ночи, серп серебристый, целующий рот.

Смысловые коннотации этих языковых образов со слезами Изиды тесно связаны с надеждой, что «жив Озирис», что появится «Новое Солнце» и «новой спиралью закрученный год».

Религиозные представления древних египтян о смерти как о «разрыве» и последующем возвращении к всеобъемлющему целому соответствовали философским мировоззрениям Бальмонта. В очерке «Двойная связь» поэт писал: *«Всё, что живёт <...>, через любовь и смерть стремится к жизни бессмертной <...>. Человек, достигая высот сознания, разбивает ограничительные оковы телесности и создаёт бесплотный мир бессмертия»* («Зарево зорь»). Для лингвопоэтики Бальмонта характерны «оппозиции», в которых осмысление жизни и смерти дано в образах наступающего после ночи утра и появления из тьмы цвета изумруда: *«Пламя из тучи, утро из ночи; Новое Солнце взманило побеги, цвет изумруда из мертвых темнот»*.

Мифогенные языковые образы в дискурсивном пространстве геоконцепта «Египет» служат созданию этнокультурного колорита древней эпохи.

Выводы

Как показывает анализ, в дискурсив-

но-художественных концептах Бальмонта сфокусированы все возможные метафорические живописные образы, находящиеся в метонимических отношениях с поэтическим текстом, обеспечивающих целостное восприятие геоконцепта «Египет», отображены многоликие ипостаси самобытных образов Египта (Феллахи, Нил, пирамиды, пустыня, Сфинкс и мифогенные образы). В дискурсивном сознании поэта образ Египта ассоциируется более всего с образами Пирамид, Нила и Египетских богов. Для идиостиля К. Д. Бальмонта характерны частое сравнение образов Египта с архетипами родной страны, ассоциативная связь языковой репрезентации художественного концепта «Египет» с культурными кодами других цивилизаций, сопоставление ландшафтных объектов разных сред.

Благодаря авторской субъективно-оценочной интерпретации коммуникативного события имплицитные языковые образы оказываются в художественном плане более ценными, чем те, которые в лирическом тексте эксплицированы словесно. Существенной особенностью рассматриваемого геоконцепта является его способность вызывать личностное, глубоко эмоциональное восприятие всего коммуникативного события как продукта «подвижного переживания» поэта. Об этом свидетельствуют ситуационно обуславливаемые субъективно-авторские эмотивные коннотации, отличающиеся от объективно отражаемых свойств и признаков дискурсивно моделируемых реалий, что предоставляет воспринимателю субъекту не только эффективные рычаги для проникновения в смысловые глубины высокохудожественных языковых образов, но и возбуждают свежие чувства, творческое воображение и возвышенное настроение.

Итак, для углубления теории когнитивной лингвопоэтики важно понимать внутренние взаимосвязи художественных концептов и языковых образов. В первых концентрируются все сведения о коммуникативно значимом событии – языковые и внеязыковые – в их синергийной целостности, вторые же объективируют его различные эмоциональные и смысловые аспекты. Можно утверждать, что языковые образы визуализируют ментальное пространство каждого художественного кон-

цепта. Благодаря этому моделируемая автором концептосфера становится когни-

тивно-модусным субстратом поэтической картины мира.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания / Н. Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 4 (80). – С. 10–21.
- Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивно-модусный концепт как источник фраземосемииозиса / Н. Ф. Алефиренко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 3. – С. 7–12.
- Андреев, Л. Н. Молчание / Л. Н. Андреев // Андреев Л.Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 195–206.
- Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений : в 7 т. / К. Д. Бальмонт. – М. : Книговек, 2010. – 624 с.
- Болотнова, Н. С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – 2004. – № 1 (38). – С. 20–25.
- Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Б). (Словарь Брокгауза и Ефрона) / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Директ-медиа, 2014. – 901 с.
- Калуцков, В. Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты / В. Н. Калуцков // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1. – С. 57–69.
- Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества. – СПб. : Блиц, 1999. – С. 147–165.
- Миллер, Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 41–44.
- Молчанова, Н. А. Бальмонт и Египет / Н. А. Бальмонт // Филологические записки. – 2009. – Вып. 28/29. – С. 180–193.
- Мулахи, С. Топос Египта в поэзии Серебряного века / С. Мулахи, Е. Н. Ельцова, С. М. Пинаев // Научный диалог. – 2021. – № 5. – С. 237–255.
- Мусат, Р. П. Многомерность структуры картины мира / Р. П. Мусат // Дискуссия. – 2013. – № 9. – С. 39–43.
- Панова, Л. Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Кн. 1–2 / Л. Г. Панова. – М., 2006. – 1088 с.
- Пономарева, Е. Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Пономарева. – Тюмень, 2008. – 22 с.
- Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 982 с.
- Alefirenko, N. Discursive-Pragmatic Modeling of the Language Image / N. Alefirenko, A. Gigolayeva, O. Dekhnich, I. Chumak-Zhun' // Amazonia Investiga. – 2019. – Vol. 8, No. 21. – P. 142–149.
- Gavins, J. Cognitive Poetics in Practice / J. Gavins, G. Steen. – New York : Routledge, 2003. – 188 p.

References

- Alefirenko, N. F. (2016). Diskursivno-modusnyi kontsept kak istochnik frazemosemiozisa [Discursive-Modus Concept as a Source of Phrasemosemiosis]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 3, pp. 7–12.
- Alefirenko, N. F. (2021). Yazykovye obrazy kak edinitsy etnokul'turnogo soznaniya [Linguistic Images as Units of Ethnocultural Consciousness]. In *Gumanitarnye issledovaniya*. No. 4 (80), pp. 10–21.
- Alefirenko, N., Gigolayeva, A., Dekhnich, O., Chumak-Zhun', I. (2019). Discursive-Pragmatic Modeling of the Language Image. In *Amazonia Investiga*. Vol. 8, No. 21, pp. 142–149.
- Andreev, L. N. (1990). Molchanie [Silence]. In Andreev, L. N. *Sobranie sochinenii: v 6 t. Vol. 1*. Moscow, pp. 195–206.
- Balmont, K. D. (2010). *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works, in 7 vols.]. Moscow, Knigovok. 624 p.
- Bolotnova, N. S. (2004). Assotsiativnoe pole khudozhestvennogo teksta kak otrazhenie poeticheskoi kartiny mira avtora [The Associative Field of a Literary Text as a Reflection of the Author's Poetic Picture of the World]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1 (38), pp. 20–27.
- Brockhaus, F. A., Efron, I. A. (2014). *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona (B)* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron (B)]. Moscow, Direkt-media. 901 p.
- Gavins, J., Steen, G. (2003). *Cognitive Poetics in Practice*. New York, Routledge. 188 p.

Kalutskov, V. N. (2020). Kontseptualizatsiya geograficheskogo prostranstva: onomasticheskie aspekty [Conceptualization of Geographical Space: Onomastic Aspects]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikatsiya*. No. 1, pp. 57–69.

Likhachev, D. S. (1999). Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian Language]. In *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva*. Saint Petersburg, Blits, pp. 147–165.

Miller, L. V. (2000). Khudozhestvennyi kontsept kak smyslovaya i esteticheskaja kategoriya [Artistic Concept as a Semantic and Aesthetic Category]. In *Mir russkogo slova*. No. 4, pp. 41–44.

Molchanova, N. A. (2009). Bal'mont i Egipet [Balmont and Egypt]. In *Filologicheskie zapiski*. Issue 28/29, pp. 180–193.

Mulakhi, S. (2021). Topos Egipta v poezii Serebryanogo veka [Topos of Egypt in the Poetry of the Silver Age]. In *Nauchnyi dialog*. No. 5, pp. 237–255.

Musat, R. P. (2013). Mnogomernost' struktury kartiny mira [Multidimensional Structure of the Picture of the World]. In *Diskussiya*. No. 9, pp. 39–43.

Panova, L. G. (2006). *Russkii Egipet. Aleksandriiskaya poetika Mikhaila Kuzmina* [Russian Egypt. Alexandrian Poetics of Mikhail Kuzmin]. Book. 1–2. Moscow. 1088 p.

Ponomareva, E. Yu. (2008). *Kontseptual'naya oppozitsiya «Zhizn' – Smert'» v poeticheskom diskurse (na materiale poezii D. Tomasa i V. Bryusova)* [Conceptual Opposition “Life – Death” in Poetic Discourse (on the Material of the Poetry of D. Thomas and V. Bryusov)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tyumen. 22 p.

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture: Research Experience]. Moscow. 982 p.

Данные об авторе

Абдельхамид Саид Ахмед Мохамед – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка факультета иностранных языков «Аль-Альсун», Айн-Шамский университет (Каир, Египет). Адрес: 11566, Египет, г. Каир, Аббасия, ул. Аль Халифа Аль Мамун.

E-mail: said_abdelhameed@alsun.asu.edu.eg.

Дата поступления: 31.08.2022; дата публикации: 31.10.2023

Author's information

Abdelhamed Saied Ahmed Mohamed – Candidate of Philology, Lecturer of Department of Russian Language, Faculty of Foreign Languages (Al-alsun), Ain Shams University (Cairo, Egypt).

Date of receipt: 31.08.2022; date of publication: 31.10.2023